

Глава 9

Бай Цзыму прекрасно понимал, в каких условиях жила эта семья. Двое малышей были изголодавшимися по мясу. Кусочек, который они только что съели, был таким вкусным, что они долго жевали его, не решаясь проглотить. Дети, как правило, очень трепетно относятся к своей еде, и то, что Цзян Сяосань протянул ему мясо, говорило о его щедрости. Бай Цзыму был тронут и сразу же изменил своё мнение о мальчишке.

Хотя основной пищей больших панд является бамбук, они всё же едят мясо. Бай Цзыму тоже любил мясо, и раньше без него еда казалась ему пресной. Но сейчас кусочек, который протягивал ему Цзян Сяосань, был таким крошечным, хоть и поджаренным до золотистой корочки и источающим дивный аромат, что ему и на один зуб не хватило бы. Он покачал головой.

— Мишка не ест мяско? — удивлённо моргнул Цзян Сяосань, глядя на кусочек в своей руке. Он считал мясо самой вкусной едой на свете, как же мишка мог от него отказаться?

Бай Цзыму кивнул.

Цзян Сяосань изумлённо ахнул, его глаза расширились, и он запрыгал на месте.

— Ай-яй-яй, мишка понимает человеческую речь! — Он засмеялся, и, казалось, полюбил Бай Цзыму ещё больше. Кусочек мяса размером с арахис тут же отправился в его рот, а затем, облизав пальцы, он вскарабкался на стул и обнял Бай Цзыму, уткнувшись лицом в его пушистую грудь. Он беззаботно хихикал, неизвестно чему так радуясь.

Бай Цзыму покосился на него, но, вспомнив щедрость этого несносного ребёнка, не стал его снова пинать.

Цзян Сяои был полностью поглощён готовкой и не заметил, как Бай Цзыму кивнул. Услышав слова Цзян Сяосаня, он лишь мельком взглянул в их сторону, не придав этому значения.

Цзян Сяосань был не очень умным. Когда Цзян Сяои не ходил в горы, он помогал ему в поле. Если Цзян Сяои и отец Цзян уходили рубить дрова и не могли взять его с собой, он либо оставался дома, либо шёл на огород полоть сорняки, либо собирал хворост, или играл во дворе с Цзян Сяоэром. Но когда Цзян Сяоэр из-за слабости лежал в постели, а другой работы не находилось, он сидел на пороге, тупо уставившись вдаль в ожидании возвращения Цзян Сяои и отца. Деревенские дети часто смеялись над ним, называя дурачком, и не хотели с ним играть, а иногда даже обижали. От скуки он играл сам с собой, разговаривая вслух, что делало его ещё больше похожим на сумасшедшего.

Несколько дней назад, вернувшись с гор, Цзян Сяои увидел, как тот, держа в руках несколько муравьёв, разговаривает с ними. Увидев брата, он радостно подбежал и показал ему своих новых друзей.

— Этого зовут Глупыш, а этого — Большой Глупыш. Глупыш — девочка-муравей, а Большой Глупыш — мальчик.

Муравьи были чёрные, крошечные, как кунжутные семечки, и все на одно лицо. Как тут разберёшь, где самец, а где самка? Цзян Сяои спросил, откуда он это знает.

Тот таинственно наклонился к нему, прикрыл рот рукой и прошептал, что Глупыш сам ему сказал.

Цзян Сяои тогда потерял дар речи. И сейчас, услышав подобные слова, он счёл их очередной выдумкой и не обратил на них никакого внимания.

Услышав, что Бай Цзыму не ест мясо, Цзян Сяоэр отложил оставшийся кусочек в шкаф и пошёл помогать Цзян Сяои следить за огнём.

Жареное Лажоу было готово — целая большая миска.

Чесночные побеги сами по себе ароматны, а поджаренные с Лажоу и пропитавшиеся жиром, они стали ещё вкуснее. Запах разносился далеко вокруг.

В доме был только один котёл. Приготовив первое блюдо, Цзян Сяои налил в него три ковша воды и, дождавшись, когда она закипит, высыпал туда мясо и овощи.

Бай Цзыму с удивлением наблюдал, как тот, засыпав овощи, тут же накрыл котёл крышкой и больше ни разу не перемешал до самой готовности, лишь в конце посыпав солью.

В столовых еда часто бывает невкусной именно потому, что её готовят в больших котлах. Овощи трудно перемешивать, они тушатся все вместе, приобретая неприятный привкус. К тому же, масла кладут мало, что тоже не улучшает вкус.

Глядя на то, как готовит Цзян Сяои, можно было подумать, что он варит помои для свиней.

Такую стряпню, пожалуй, даже свиньи есть не станут.

Приготовив еду, Цзян Сяои помыл котёл и налил в него ведро воды. Уже вечерело.

В это время года было не холодно, днём даже жарко. В деревне, окружённой горами, прохлада наступала только ночью. Взрослые и дети могли мыться холодной водой, но Цзян Сяоэр был слаб, ему нельзя было простужаться. А у Цзян Сяосаня и без простуды вечно текло из носа, поэтому Цзян Сяои не решался мыть его холодной водой. Если он простудится, сопли потекут не только из носа, но и из глаз.

Отец Цзян ещё не вернулся, скотины в доме не было. Раньше у них было несколько кур, но Цзян Сяои продал их в городе. Уходя, Цзян Сяоэр просил купить несколько цыплят, но все деньги ушли на лекарства, и на цыплят ничего не осталось. Теперь задний двор был пуст, и, поскольку других дел не было, Цзян Сяои, взяв на руки Бай Цзыму, повёл братьев к выходу из деревни.

Семья Цзян жила на окраине. По пути им почти никто не встретился, так как было время ужина. Бай Цзыму с любопытством оглядывался по сторонам, и его сердце постепенно наполнялось холодом. Что-то было не так.

Сначала он думал, что только в доме Цзян царит бедность и нет никакой техники. Но теперь, пройдясь по деревне, он понял, что здесь бедно всё.

Очень бедно.

Вся деревня была бедной. Дома из глины, крыши, как и у Цзян, покрыты соломой, у некоторых — черепицей. Было очевидно, что это очень бедное место. Не говоря уже о цементных дорогах, в воздухе не было видно даже проводов.

Даже если это деревня, и разрыв между ней и городом Б огромен, не может же быть, чтобы не было ни одного столба с проводами. К тому же, после введения политики цементирования дорог в сельской местности, за исключением некоторых особо отдалённых горных районов, почти везде уже были проложены цементные дороги.

Где же он оказался?

Может... он попал в другой мир?

В последнее время были популярны сериалы о попаданцах. Он даже смотрел один. Там люди попадали в другие миры после автомобильной аварии. Его же ударило молнией, это уж точно не хуже аварии.

При этой мысли Бай Цзыму усмехнулся, поражаясь своему воображению.

За деревней расстилалось широкое, ровное поле.

Посередине протекала река. Вероятно, для удобства орошения жители деревни прорыли множество канав, поэтому всё поле было испещрено ими. Вечерело, было время ужина, не сельскохозяйственный сезон, поэтому на полях никого не было. На вершине далёкой горы алел закат, в небе птицы с криком возвращались в свои гнёзда — идиллическая картина.

Рабочий день в доме Ли заканчивался не поздно, но деревня Люцзян находилась в нескольких ли от деревни Сяошань. Отец Цзян хромал и, вероятно, шёл медленно. Братья ждали у входа в

деревню. Цзян Сяоэр прислонился к Цзян Сяои и, теребя лапку Бай Цзыму, что-то говорил брату, глядя на него снизу вверх. А Цзян Сяосань, непоседа, помнил, что мишка не ест Лажоу. Что же он ест?

Траву?

Он подбежал к обочине, нарвал несколько травинок и, подойдя к Бай Цзыму, протянул ему. Увидев, что взгляд Бай Цзыму снова стал свирепым, а все четыре лапы дёргаются, пытаются его пнуть, он сказал:

— Мишка, не стесняйся!

Бай Цзыму мысленно выругался.

Стесняться ему, как же!

Он отвернулся и уткнулся носом в грудь Цзян Сяои. Тот почувствовал, как в груди разливается тепло, и, поглаживая его по пушистой спине, с улыбкой сказал:

— Сяосань, мишка не ест траву.

— А? — удивился Цзян Сяосань и, почесав голову, спросил: — А что же он ест, брат?

Раньше все говорили, что в глухом лесу опасно, потому что там много ядовитых насекомых, волков, тигров, диких кабанов и медведей. Эти звери едят людей.

— Мишка ест мясо, — ответил Цзян Сяои.

— Нет, нет, — нахмурился Цзян Сяосань. — Мишка не ест мяско. Я ему давал, а он не стал.

— Да! И я видел, — серьёзно подтвердил Цзян Сяоэр. — Но брат всегда прав. Младший брат, может, мишка просто не любит Лажоу. Давай поймем ему кузнечика, посмотрим, будет ли он есть.

— Хорошо.

Два брата снова побежали в траву у дороги.

Цзян Сяои смотрел на них с улыбкой. Их задранные кверху попки, одна размером с миску, другая — с тарелку, забавно двигались.

Летом дни длинные, а ночи короткие. Хотя солнце уже село, темнело не так быстро. Вдалеке Цзян Сяои увидел несколько приближающихся фигур.

Наверное, тоже возвращаются с подработки у Ли. Но за обмолот кукурузы платили всего десять взней в день, поэтому на такую работу ходили в основном женщины и супруги. Сейчас возвращались две женщины и один супруг. Увидев Цзян Сяои, они с улыбкой поздоровались.

Большинство жителей деревни хорошо относились к семье Цзян и при встрече всегда обменивались парой вежливых фраз. Но были и те, кто не любил Цзян Сяои, особенно те, чьих детей он когда-то побил.

Эти трое не враждовали с Цзян Сяои и, подойдя, поздоровались.

— Гэ'эр Цзян, отца ждёшь?

— Ага!

— Он идёт следом.

Рабочий день у всех заканчивался в одно и то же время, но отец Цзян был мужчиной и стеснялся идти вместе с ними.

— А что это у тебя на руках?

Цзян Сяои рассказал, что нашёл на горе медвежонка.

Женщины увидели, как Бай Цзыму смотрит на них снизу вверх, его чёрные, как бусинки, глаза блестят, а щёки пухлые и круглые. Он был таким милым и забавным, что они не могли сдвинуться с места. Только когда вернулся отец Цзян, они неохотно ушли.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, увидев отца, радостно выбежали из травы и бросились к нему, наперебой крича «отец» и говоря, как они соскучились.

Вся усталость, казалось, в этот миг испарилась. Отец Цзян с улыбкой обнял их и, погладив каждого по голове, не побрезговал вытереть рукой сопли Цзян Сяосаня. Затем он взял на руки Цзян Сяоэра и пошёл домой.

Тесть Цзян Даню был охотником, и в его семье, в отличие от других, не было недостатка в мясе. Каждый раз, когда Цзян Даню приходил в гости, ему всегда давали с собой немного мяса.

Отец Цзян, когда в обед просил Цзян Даню передать деньги, видел у него в руках мясо. Поэтому, увидев на столе мясное блюдо, он понял, что это от старшей ветви семьи.

Цзян Сяои передал Бай Цзыму на руки Цзян Сяосаню и, повернувшись, налил из котла воды отцу, чтобы тот помыл руки.

Высушенную кукурузу обмолачивать легче. Если она влажная, зёрна как будто прирастают к початку, и их трудно отделить. Урожай у Ли был только что собран, места для сушки не хватало, поэтому кукуруза была влажной. Отец Цзян, обмолачивая её целый день, чувствовал боль в руках, но он привык к тяжёлой работе. Сколько топоров он сломал, рубя дрова! Ладони его были покрыты мозолями, и за целый день работы не появилось ни одного волдыря. Он не придал этому значения. Но сейчас, опустив руки в тёплую воду, он почувствовал облегчение. Увидев, что в котле нет тёплой еды, он спросил:

— Сегодня не ходил к дяде Цяню за зерном?

Он попросил Цзян Даню передать деньги именно потому, что знал, что вернётся поздно. Если бы деньги были дома раньше, Цзян Сяои мог бы сходить к Цяням и купить немного зерна.

Цзян Сяои, доставая из шкафа миски и палочки, ответил:

— Сегодня есть мясо, я не пошёл. — Он увидел в маленькой щербатой миске кусочек мяса, понял, что это Цзян Сяоэр оставил отцу, и протянул ему.

Отец Цзян съел и почувствовал тепло на душе. Услышав смех детей, он обернулся и увидел, как они играют с медвежонком, выглядя очень счастливыми. О том, как появился медвежонок, Цзян Сяои рассказал ему по дороге. Маленький медвежонок сидел в корзине, казалось, очень злой, и, возможно, из-за того, что не мог выбраться, выглядел расстроенным, его щёки надулись, как у бурундука. Отец Цзян, глядя на него, не мог сдержать улыбки. Его взгляд упал на Цзян Сяоэра, который сейчас улыбался до ушей, его лицо покраснелось от возбуждения.

Этот ребёнок был слаб здоровьем и большую часть времени проводил дома. Они же были заняты работой и не могли много времени проводить с ним. Отец Цзян много раз видел, как тот, когда мимо двора с криками пробегали другие дети, подходил к окну, вытягивал шею и с тоской смотрел на улицу. Каждый раз, видя это, он чувствовал боль в сердце и хотел купить ему что-нибудь, чтобы он мог играть. В некоторых семьях в деревне держали собак, но его семья едва могла прокормить себя, не говоря уже о собаке.

— Твоему брату, кажется, очень нравится этот медвежонок, — сказал он. — Давай оставим его на несколько дней, пусть порадуются. Когда я закончу работу у Ли, пойду в горы рубить дрова. Та куча, которую я в прошлый раз сложил, должна была уже высохнуть. Через два дня будет ярмарка, отвезёшь на продажу.

Цзян Сяои кивнул.

Отец Цзян вытер руки.

— Давай ужинать!

Лажоу было жирным. Хоть его и было немного, но, потушенное с молодой капустой, оно дало немного жира. Овощи, тушённые в свином жире, были очень вкусными. Две большие миски были съедены дочи́ста, не осталось даже подливки, только мясо.

Цзян Сяоэр из-за слабости ел мало. Остальные трое, работавшие и голодавшие целый день, набросились на еду, как голодные волки.

Бай Цзыму, стоя в корзине, смотрел на это с изумлением и даже некоторым страхом.

Отец Цзян ел в основном овощи, стараясь оставить мясо детям. Он думал, что если он съест на один кусок меньше, то троем детям достанется на один кусок больше. Цзян Сяои думал так же. В итоге, немного Лажоу всё же осталось.

Цзян Сяои аккуратно убрал его в шкаф, решив завтра приготовить так же с капустой.

Будет ещё один вкусный ужин.

Отдохнув немного, отец Цзян, увидев, что на улице ещё не совсем темно, пошёл во двор рубить дрова.

Жители деревни использовали дрова для приготовления пищи, поэтому отец Цзян, как только появлялось свободное время, рубил их и складывал во дворе, чтобы Цзян Сяои было удобнее брать. Хотя Цзян Сяои и сам умел рубить, это всё же была мужская работа. Цзян Сяои, при свете огня, помыл Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня, отвёл их в дом и, увидев, что они уже легли спать вместе с медвежонком, закрыл дверь и вышел.

— Отец, — позвал он, подойдя к нему сзади.

— Что такое? — спросил тот.

— В обед я носил корм для свиней к старшей ветви семьи, — сказал Цзян Сяои, — и двоюродная бабушка с тётушкой хотят меня сосватать.

Это было важное дело. Цзян Сяои было уже девятнадцать, а к нему до сих пор никто не сватался. Отец Цзян, хоть и не показывал вида, на самом деле очень переживал, каждую ночь ворочался, не находя себе места. Он знал, что это он и двое сыновей были обузой для его гэ'эра. Он уговаривал его, но Цзян Сяои ни в какую не хотел оставлять семью. Если он начинал говорить об этом слишком настойчиво, Цзян Сяои сердился и начинал точить нож, доводя его

до зеркального блеска. Отец Цзян, видя это, пугался и больше ничего не осмеливался говорить.

Сейчас, видя, что Цзян Сяои, кажется, не очень-то и против, он тут же спросил:

— Они сказали, из какой семьи парень?

— Двоюродный брат невестки.

Этот двоюродный брат был известен на всю округу, самый перспективный парень в нескольких соседних деревнях. О нём слышали все, от восьмидесятилетних старух до трёхлетних детей. Отец Цзян, конечно, тоже знал о нём.

Старшая ветвь семьи предложила такого хорошего парня, казалось бы, нужно радоваться. Но отец Цзян нахмурился.

Семья Лю три года назад снесла свой глиняный дом и построила новый из синего кирпича. Отец Цзян, ходя на работу к Ли, каждый день проходил мимо их дома. Дом был построен очень хорошо, выглядел светлым, крепким и чистым, не то что их глинобитный, в котором со временем стены высыхали и с них постоянно сыпалась пыль, а соломенная крыша летом протекала.

К тому же, в семье Лю старшая и вторая ветви давно разделились, и не было такой толпы народу, как у них. У Лю Хуцзы была старшая сестра, которая уже вышла замуж, и младшие брат с сестрой, которым было около десяти лет. Если он женится, ему не придётся заботиться о младших родственниках мужа. Его родители были ещё здоровы, но мать Лю Хуцзы...

Отец Цзян не общался с ней, но видел несколько раз издалека. Ему всегда казалось, что у неё непростой характер.

— Что сказали твоя бабушка и тётушка?

Что ещё они могли сказать? Что Лю Хуцзы — перспективный, у него есть постоянная работа, он хороший парень.

Отец Цзян думал о многом. Замужество — это на всю жизнь. Лю Хуцзы был на хорошем счету, о его матери тоже ничего плохого не говорили. Но некоторые люди умеют создавать видимость. На людях они — само очарование, улыбаются, вежливы и учтивы, а на самом деле — совсем другие. Если мать Лю Хуцзы окажется плохой, и они поженятся, его гэ'эру придётся несладко.

И ещё...

— Гадалка в прошлом говорила, что у тебя судьба стать супругом чиновника.

Цзян Сяои был гэ'эром и, конечно, не мог сдавать экзамены.

Так называемая «судьба чиновника» означала судьбу супруга чиновника.

<http://bllate.org/book/13701/1582395>